

И Свет во тьме светит...*

Если спросить у того, кто читал книги Рене Генона и кто, понял что представляет собой их встреча с этими произведениями, то он, несомненно, сможет рассказать об этом историю, и нередко речь будет идти об историях глубоких изменений; однако довольно трудно сказать что-то исчерпывающе полное о реальном значении этого труда и даже невозможно дать ему определение. Можно было бы сказать коротко, что Генон – это метафизика, и как раз в силу полного соответствия с ее характеристиками, а именно: его труды полностью избегают всякой систематизации, определения и ярлыков.

Работы Рене Генона составляют одно целое с традиционной метафизической доктриной, так как в них нет ничего, что бы отклонялось от задачи строгой экспозиции этой доктрины. Сам Генон, как известно, предпочел бы исполнить эту функцию в анонимности, чтобы избежать, насколько возможно, неподобающим образом привнесения чего-либо индивидуального в учения, которые он представляет.

Великое богатство учений, сведений, аналогий между разными традициями, исторических наблюдений, критических анализов и т. д. образует множество составляющих, имеющих целью прийти

* Статья Амедео Зорзи «Et Lux in Tenebris Lucet...» появилась на французском языке в журнале «Vers la Tradition» (№ 83/84, mars-juin 2001) и на итальянском в журнале «Rivista di Studi Tradizionali» (№ 91, juillet-décembre 2000), а также на испанском: *Zorzi A. Et lux in tenebris lucet... // Revista de Estudios Tradicionales. №4, julio-diciembre. 2003* (Buenos Aires, Argentina).

в центре, с метафизической точки зрения, к предельной Истине, для которой нет иной реальности, кроме реальности Принципа, вне которого абсолютно ничего нет.

Но эта столь возвышенная работа, завершенная на самой вершине доктрины, застаёт западных людей в ситуации, в которой они оказались: в тесных границах научной и философской мысли, в отсутствие средств духовного развития, в дезориентации среди ложных доктрин, в смешении и потемках того коллективного гипноза, которым является современный мир. Все эти культурные и псевдокультурные элементы, формирующие западную современную ментальность и конституирующие иногда весьма громоздкое наследие, пересматриваются с невероятным терпением. Первая цель состоит на самом деле в том, чтобы дать тем, кто чувствует в этом необходимость и кто обладает достаточной смелостью, возможность радикально изменить тип ментальности, деформированный удалением от истинного познания, происходящим на протяжении веков.

Этот способ изучения, который движется от периферии, чтобы все привести к синтезу единой центральной точки, унитарной и унифицирующей, представляет собой одну из фундаментальных черт этого труда, показывает также, насколько было бы незаконно воспринимать его частично, ограничиваясь при рассмотрении лишь частными аспектами. Иными словами, Генон космологический, исторический, экзотерический и т. д. не существует, поскольку даже если в произведении сполна рассматриваются все эти аспекты, то именно метафизическая точка зрения создает ключ единого прочтения, без которого этот труд целиком утратил бы свое истинное значение.

Иногда Генона критикуют за то, что он отмечает одни и те же вещи: прежде всего, ни один автор не создал более обширной и выдающейся работы, поэтому любой человек, сколько-нибудь причастный объективности, по меньшей мере должен был рассматривать его как великого мыслителя; кроме того, когда дело касается повторения фундаментальных концептов во многих местах его работ, то оно не только уместно, но и необходимо, потому что, двигаясь от периметра к центру, достигая «средоточия», множественность рассеивается, и не остается ничего иного, как утверждать сущностные истины, всегда тождественные себе, поскольку они выражают чистую реальность.

Это постоянное возвращение к центру, при прохождении различных радиусов (районов), выстаивающее тысячу различных доводов, может представлять собою в доктринальной теоретической области что-то вроде аналога *мантры* или *зикра*, формулировок Истины, которые повторяются множество раз в посвященческих ритуалах *очищения*. Мы не хотим этим сказать, что чтение и размышление могут заменить ритуальное действие и все другие элементы, необходимые для прохождения пути посвящения, но что они включают постоянное возвращение ментального, так же как его упорядочение исходя из теоретического постижения принципов, чтобы достичь корректного использования ментального инструментария.

Экспозиция никогда не бывает догматической, но она проходит двойной путь, когда – в контексте доктринальной экспозиции – рассуждение следует шаг за шагом, хотя и в границах, присущих его собственной природе.

Из этого прежде всего следует с очевидностью, что никакой несовместимости между рациональным и сверхрациональным не существует, если первое используется корректно, а затем, что теоретическое доктринальное понимание есть как бы отражение или след на ментальном уровне Познания высшего порядка, а именно в силу той связи, что это теоретическое понимание неким образом может создавать открытую дверь для возможностей более высокого плана.

Можно сказать, что если вследствие циклического спуска человек перешел от синтетического познания к познанию различающему, или, в библейских терминах, оказался павшим, съев плод с *Древа Познания Добра и Зла*, которое представляет собой двойственность – основной признак рационального познания, – то разум, именно благодаря различению добра и зла, может создавать возможность подъема. Одна и та же способность, представленная самой себе, стремясь стать автономной, тянет книзу, создает средства иллюзии, но когда она упорядочена в соответствии с принципами и просвещена мудростью высшего порядка, то она может стать инструментом растворения ошибки и помочь найти доступ к тому, что будет очень длинной и очень трудной дорогой возвращения.

Мы можем также видеть, что Рене Генон с таким традиционным использованием логики следует самым точным образом ведическому пути: действительно, в *Māndūkya Upanishad*, особенно в комментариях Шанкарачарьи, мы в первую очередь находим представление доктрины по имени недвойственность (*advaita*), с опорой на священные писания (*шрути*) и исследованием символического священного слога *Ом*. Затем, та же доктрина (ничего никогда не было рождено, реальное не имеет причины, единственной реальностью является высший *Брама*) выражается либо при помощи писаний, либо при помощи размышления. Наконец, приступают к демонстрации тех же самых истин только с помощью одной логики.

Но для того, чтобы восстановить на Западе возможность возобновления контакта с традицией и с метафизическими доктринами, была совершенно необходима большая работа адаптации, которая учитывает как *forma mentis*, так и общие отправные условия, в которых находятся западные люди. От этой большой работы произведется «сумма», которая с исключительной синтетической ясностью передаст традиционные учения, касающиеся как «великих мистерий», так и «малых мистерий». Действительно, весьма трудно для западных людей следовать чисто интеллектуальному пути посвящения, так как он требует квалификации, так же как и определенной ступени очищения и непривязанности, которая среди западных людей нашего времени не встречается, разве что в абсолютно исключительных случаях. Но даже относительно редкие случаи, когда имеется определенная готовность для вступления на путь посвящения, оказываются в ситуации, в которой обычно находятся человеческие существа, сознание которых в настоящее время схвачено узкими границами условия *падшего человека*, что настоятельно требует предварительной работы, в области, где действие приобретает большое значение. В этой связи надо подчеркнуть тот факт, что Генон уделил большое внимание и широко освятил масонское посвящение.

Возвращаясь к главным темам, мы, следовательно, находим здесь экспозицию традиционных учений в согласии с совершенно законными точками зрения, как необходимых, но в значительной мере предварительных, точек зрения, относящихся к различным порядкам возможностей, которые конституируют

проявленный универсум, и универсальных принципов, которые там господствуют. Таким образом, то, что существует в низшем порядке, может рассматриваться как иллюзорное, в смысле меньшей степени реальности по отношению к тому, чем является высший порядок, и как бы связанное отношением причины и следствия с принципами, из которых оно непосредственно происходит. Но с точки зрения абсолютной реальности причинной связи не существует, больше ничего нет относительного, даже говорить о «точке зрения» становится неправильным, так как речь идет только об одной возможной реальности. Все, что ограничено, есть, строго говоря, нуль по отношению к бесконечному (l'infini); здесь может быть только бесконечное, а бесконечное не имеет частей (рассматривать бесконечное как сумму конечных частей было бы абсурдным, совсем как было бы абсурдным рассматривать Реальность как сумму всех иллюзий); следовательно, на самом деле нет различных реальностей, но только различные иллюзии, и именно это, по сути, конституирует истинное значение монотеизма.

Выше мы отметили совершенное соответствие с учением *Веданты*; заключительный абзац статьи «Мистерии буквы Нун» кажется нам особенно важным в этом отношении: «...завершение цикла, так, как мы его рассмотрели, должно иметь определенную корреляцию в историческом порядке с встречей двух традиционных форм, которые соответствуют его (цикла) началу и концу и которые соответственно в качестве священных языков имеют санскрит и арабский: индусская традиция, так как она представляет самое прямое наследие изначальной Традиции, и исламская традиция, в качестве “печати Пророчества” и, следовательно, последней формы традиционной ортодоксии для настоящего цикла».

Очевидно, что это соединение оказывается реализованным именно в работах Генона, который специально принял в качестве опоры индусскую доктрину в текстах, которые образуют фундаментальную часть доктринальной экспозиции; тогда как сам он принял исламскую традицию: напомним, что он был *прикреплен к Тасавуф (Суфийский Путь)* в 1912 г. в возрасте 26 лет. К тому же он посвятит много из написанного исламской традиции, а работа

«Символизм креста» может даже рассматриваться в своих основных темах как большой эзотерический комментарий к *суре Фатиха (Открывающая)*.

Если эти две традиции раскрывают совершенно особое значение, то можно сказать, впрочем, что учитываются и все другие известные традиции и что самые важные их элементы углубляются посредством универсального языка символизма. Таким способом традиционные учения и метафизические истины выражаются независимым образом и частными традиционными формами, и в этом мы встречаем еще одно свойство, которое превращает работы Генона в уникальный случай.

Действительно, если мы встречаем также и у других авторов и на различных уровнях учения метафизического и посвященческого характера, то они всегда строго привязаны к определенным традиционным формам. Если бы, например, мы захотели сделать сравнение с Данте Алигьери, то мы кроме прочего тут же заметили, что там все связано исключительно и строго с христианской традицией. У Генона, напротив, изучение доктрин включает в себя и Восток, и Запад, и даже сущностное единство всех традиций представляет собой один фундаментальный концепт и одно из средств показать подлинность учений каждой из них.

После этих размышлений можно отметить, что все, что было в начале цикла проявления настоящего человечества, т. е. изначальная единая Традиция, как и все, что есть в конце того же самого цикла, есть синтез, который объединяет, по крайней мере на уровне доктринального теоретического плана, все традиции через освещение недвижимой Истиной, которая пребывает независимо от всех форм выражения.

В этом же ряду идей мы бы хотели напомнить также о концепте, который мы находим в Предисловии к «Царству количества и знаменья времени»: «...это не может быть воспринято всеми, но только небольшим числом тех, кто будет предназначен подготавливать в той или иной степени зерна будущего цикла. Вряд ли стоит говорить, что мы всегда понимали, что обращаемся исключительно к ним...».

В чем состоит эта работа подготовки к будущему циклу, остается трудно доступным для понимания, но всегда можно из этого сделать вывод, что работы Генона могут быть предназначены вы-

полнить функцию, которую можно было бы назвать космической, внутренне присущей переходу от настоящего цикла в будущий, и что они сыграют, таким образом, ведущую роль во всех последних фазах циклического периода, в котором мы живем.

Как и когда это может произойти, остается покрытым тайной; впрочем, нам хорошо известно, что «секреты Полюса» хорошо охраняются, и, следовательно, бесполезно строить предположения по этому поводу. Здесь мы предлагаем только сделать все возможное для защиты этого дара, столь драгоценного и ниспосланного провидением.

Мы хорошо знаем, что сам Генон и его работы всегда были объектом всякого рода нападков со стороны сил, которые можно отнести к тому, что он называл «контрпосвящением». При жизни Генона «техника» состояла скорее в чем-то вроде «заговора молчания» и в гонениях, нацеленных на то, чтобы сделать крайне затрудненной публикацию его книг. Сегодня техники нападков изменились и основываются преимущественно на клевете, фальсификациях, смеси истины и лжи, искаженном использовании содержания самих произведений. Здесь невозможно распространяться относительно широты и разветвления этих явлений; можем только сказать, чтобы подчеркнуть важность этого довода, что хулителей Генона можно разделить на две категории: с одной стороны явные враги (этот термин следует использовать, так как «трансценденция традиции» должна стать или, скорее, оставаться «недостижимой для всех атак ее врагов, коих нельзя никогда согласиться трактовать как “противников”»¹), а с другой стороны – все те, кто объявляет себя сторонниками работы Генона, но кто на самом деле стремится использовать или, лучше сказать, испортить ее самыми различными способами. Можно наблюдать, что те, кто стремится предъявить частные точки зрения, индивидуального или иного частичного приложения, будут давать разного рода отсылки, фатальным образом ведущие к сведению важности этой работы и навязыванию ей того или иного образа, чтобы смочь обустроить свое собственное место.

Но перед лицом традиционного и посвященческого учения все то, что есть индивидуального, должно быть стерто, чтобы дать место усилению познания и понимания предельных истин че-

¹ Le sens des proportion. Et. Trad. 1937. Mélanges, 1976.

рез посредство этого учения и усилию прийти в соответствие со всем тем, что оно в себе заключает, осознавая, по крайней мере теоретически, что надо будет отказаться в любом случае от своей собственной индивидуальности, так как, сколько ни расширяла бы она свои возможности, она никогда не сможет стать инструментом истинного Познания.

Перевод с франц. яз. Т.Б. Любимовой